

Юрген Мольтман Терроризм и политическое богословие*

I. ПОЛИТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ И АНАРХИЗМ: КАРЛ ШМИТТ И МИХАИЛ БАКУНИН

Современная концепция «политического богословия» была введена в развернувшуюся сегодня во всем мире дискуссию немецким специалистом по государственному праву и прусским государственным советником Карлом Шмиттом в его знаменитой книге «Политическое богословие. Четыре главы к учению о суверенитете»¹. Его американским партнером был Лео Штраусс в Чикаго. Идею для своего учения о политической власти Шмитт почерпнул не в античной стоической философии, а у русского анархиста Михаила Бакунина, в его книге «Бог и государство»² (1871) с ее знаменитым и приобретшим дурную славу боевым кличем: «Ни Бога, ни государства – *Ni Dieu, ni maître!*».

Бакунин проклинал всякое господство человека над человеком и хотел заменить государство «ассоциацией, в которой свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», как сказано в «Коммунистическом манифесте»³. Выступая за товарищеский социализм, он провозглашал освобождение от божественного и человеческого авторитета.

Если Бог существует, то человек – раб; но человек может и должен быть свободным: следовательно, Бога не существует⁴.

Сатана для Бакунина – первый анархист, свободный мыслитель и освободитель мира, ибо он, согласно библейскому рассказу о

¹ C. Schmitt, *Politische Theologie. Vier Kapitel von der Souveränität*, Berlin, 1922. Цитируется по третьему изданию (Berlin, 1979).

² M. Bakunin, *Gott und der Staat* (1871), *Ausgewählte Schriften*, Bd. 1, hg. von W. Eckhardt, dt. von E. Rholfs, Berlin, 1995.

³ *Manifest der kommunistischen Partei*, London, 1848, Abschnitt II.

⁴ Bakunin, S. 51.

* *Evangelische Theologie*, 75, Jg., Heft 5, S. 358–365
(лекция в университете Рэнмин в Пекине в октябре 2014).

рае, убеждал людей не слушаться Бога. И «Бог признал правоту Сатаны»⁵ и нашел, что непослушный человек стал как Бог. Из библейского мифа о первородном грехе Бакунин выводит следующее: человек освободил себя и будет освобождать себя «актом непослушания и познания, то есть *бунтом и мышлением*»⁶. Как происходит освобождение от Бога? Через *самообожествление* — раз все, что приписывают Богу, отнимается у человека⁷, то верно и обратное: все, что приписывают человеку, нужно отнять у Бога. Атеизм — это истинное основание человеческой автономности. Бакунин думал, как и Людвиг Фейербах, что у Бога и у человека — одна сущность, поэтому то, что есть у одного, нужно отнять у другого. Но если Бог и человек не единосущны, то эта атеистическая логика не действует.

«Бунт» Бакунина имел определено политическую подоплеку. Бакунин жил в святой Руси с ее царями-самодержцами и государственной православной церковью: «Как рабы Божии, люди должны быть рабами также церкви и государства, поскольку государство освящено церковью»⁸.

Он знал только политического *государственного бога* и восставал ради свободы человека: «Ni Dieu — ni maître» — с политической точки зрения, по праву.

Выражение «политическое богословие» Бакунин использовал, скорее, мимоходом, чтобы очернить итальянского буржуазного революционера Мадзини, желавшего «свободной церкви в свободном государстве».

Однако Карл Шмитт узнал в Бакунине и его атеистическом социализме заклятого врага Бога и государственной власти. «То, что Бакунин отрицает во имя Сатаны, Шмитт утверждает во имя Бога. А то, что для атеистических анархистов при этом есть всего лишь сотворенная человеком фикция, для политических богословов — богоданная действительность»⁹. Подобно Томасу Гоббсу, Карл Шмитт использовал библейское учение о первородном грехе для богословского обоснования авторитарной государственной власти: «война всех против всех» может быть подавлена только абсолютной государственной властью. Насколько сам Шмитт напоминает образ своего же врага Бакунина, показывает заключение «Политического богословия»: «... у крупнейшего анархиста девятнадцатого века Бакунина есть странный парадокс, что он

⁵ Ibid., S. 36.

⁶ Ibid.

⁷ Ср.: *ibid.*, S. 49-51.

⁸ Ibid., S. 50 (в оригинале частично курсивом).

⁹ H. Meier, *Die Lehre Carl Schmitts. Vier Kapitel zur Unterscheidung Politischer Theologie und Politischer Philosophie*, Stuttgart/Weimar, ¹1994, ²2009, S. 23.

теоретически должен стать богословом антибогословия и диктатором антидиктатуры»¹⁰.

Богословско-политические тезисы Карла Шмитта можно свести к двум пунктам:

1. «Все четкие понятия современного учения о государстве суть секуляризированные богословские понятия»¹¹.

2. «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹².

Он следовал за политическими философами, выступавшими в рамках католической контрреволюционной кампании против духа Французской революции: не существует никакого посредничества между католичеством и атеизмом, а значит — и между властью и анархизмом. Во втором тезисе он имеет в виду «диктатуру президента Германии» согласно статье 48 Веймарской конституции. При «чрезвычайном положении», которое Карл Шмитт тонко сравнивает с «чудом», принимается «абсолютное» решение. Это «не оправдывающее себя, поэтому создаваемое из ничего абсолютное решение»¹³. Это — божественное решение, так как у него имеются все свойства Абсолюта. Диктатура — это *государственный бог*. В 1934 г. Шмитт защищал нацистскую диктатуру как акт политической диктатуры при чрезвычайном положении: «Воля фюрера — закон». Но это значит, что законы принимаются не истиной и справедливостью, а безотчетной, абсолютной властью.

Конфликт между суверенитетом государства и атеистической анархией Шмитт рассматривал на фоне апокалиптического конца человеческой истории: поскольку грядет последняя схватка между Богом и Сатаной, мы уже здесь и сейчас участвуем в перманентной гражданской войне. Шмитт объявил «различие между другом и врагом» — «кто не с нами, тот против нас» — истинно «политической категорией», потому что она — экзистенциальна¹⁴. И все же архетип для этого различия между другом и врагом — это дуализм Бога и Сатаны, т.е. добра и зла.

Карл Шмитт и Михаил Бакунин зеркально отражали друг друга, и Карл Шмитт это понимал. Оба они отвергли как «право и справедливость», так и парламентскую демократию. Идеальный суверен Шмитта господствует с абсолютной решимостью, мятежник Бакунина восстает с абсолютной свободой; один — говоря современным языком — террорист «сверху», другой — террорист

¹⁰ Schmitt, *Politische Theologie*, S. 84.

¹¹ Ibid., S. 49.

¹² Ibid., S. 11.

¹³ Ibid., S. 83.

¹⁴ Ср.: C. Schmitt, *Der Begriff des Politischen* (текст 1932 г. с предисловием и тремя дополнениями), Berlin, 1994, особенно: 26 f.

«снизу». Оба убеждены, что «Бог» и «свобода» суть альтернативы, которыми они быть не должны. «Политическое богословие» Шмитта — это точный аналог бакунинского анархического атеизма и, в конечном счете, его оправдание, поскольку никаких других вариантов политического выбора больше нет.

II. ТЕРРОРИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ «БЕЗОПАСНОЕ ГОСУДАРСТВО»

Мы различаем три формы терроризма:

1) терроризм сверху в кроважанных диктатурах Сталина и Гитлера в XX веке¹⁵,

2) частный террор полевых командиров и их ополчений в распадающихся государствах, таких как Сомали, Сирия и Ливия,

3) религиозно мотивированный и богословски обоснованный исламистский терроризм в мусульманском мире и против западного мира.

Современное «безопасное государство» против от частного и религиозного терроризма все больше напоминает представления Карла Шмитта о трансцендентной государственной власти и «абсолютном решении». Американская политика реагировала в 2001 г. на теракт «11 сентября» перманентным «чрезвычайным положением». Президент Джордж Буш, заявив, что «America is at war», частично ввел право военного времени и временно ограничил гражданские свободы в «Patriot Act» 2001 г., приняв право на «preemptive strikes» [превентивные удары], на незаконное заключение в тюрьму в Гуантанамо, неконтролируемый мировой надзор со стороны Управления национальной безопасности и убийства реальных либо предполагаемых террористов с помощью телеуправляемых летательных аппаратов. К сожалению, президент Барак Обама мало что здесь изменил. В Иракской войне, похожей на «необъявленную войну» США против Вьетнама, при том, что Гитлер в XX веке все еще учтиво «объявлял войну» Польше, Франции, Англии, а в 1943 г. и США, президент Буш собрал альянс добровольцев под девизом: «Кто не за нас, тот против нас», словно не было иных вариантов выбора. Абсолютное, т.е. никому не подотчетное, решение политически всегда обосновывалось тем, что «иной альтернативы» не существует.

Современная демократия основана на суверенитете народа: «Вся государственная власть исходит от народа» (Основной закон ФРГ, ст. 20,2). «A government of the people, by the people, for the people»

¹⁵ Что означал террор сверху при Сталине и Гитлере в Восточной Европе, выразительно описывается в: T. Snyder, *Bloodlands. Europa zwischen Hitler und Stalin*, München, 2010.

[«правление народа, народом, для народа»], как провозгласил Авраам Линкольн в своей речи в Геттисберге. Современное антитеррористическое безопасное государство ограничивает демократические права народа и возводит «безопасность» в ранг высшего блага. В борьбе с террористами «абсолютные решения» оправданы, если они служат безопасности, даже если они не соответствуют закону и конституции. В борьбе за собственную безопасность допускается антитеррор. Это выводит сферу политических решений за пределы демократического контроля и не очень способствует объективной безопасности, поскольку антитеррор порождает новых террористов. Современный религиозный террор возникает в сердцах и головах людей, где и следует его искоренить. Полицейская защита от терактов необходима, но она не уничтожает терроризм в сердцах и головах.

По моему мнению, сегодняшний терроризм имеет две составляющих:

— с одной стороны, исламский дуализм: здесь верующие, там неверующие; здесь послушные Богу, там Божьи враги. Решающее значение придается апокалиптической картине Страшного Суда Божьего, где верующие идут в рай, а неверующие — в ад. Это — неверно понятое послушание веры, состоящее в предвосхищении Суда Божьего и в абсолютном решении верующих, обязывающем абсолютно отделиться от неверующих и уничтожить последних.

— с другой стороны, джихадистов в смертоносной войне привлекает культ смерти: «Ваша молодежь любит жизнь, наша — любит смерть», — так объяснил западным журналистам мулла Омар ментальность своих талибов. Убивать и быть убиваемым — вот о чем идет речь, а самоубийц и при этом массовых убийц нельзя наказывать смертью: они абсолютны. Объявлять этих массовых убийц (в Нью-Йорке, Мадриде, Лондоне и где бы то ни было еще) «мучениками» есть богохульство. Их Бог — это смерть, а не Аллах «всемиловитый»¹⁶.

III. ГДЕ ОСТАЕТСЯ ДЕМОКРАТИЯ?

Остается ли в борьбе с терроризмом всего лишь приостановить демократию введением «чрезвычайного положения»? Нет.

¹⁶ M. Khorchide, *Islam ist Barmherzigkeit. Grundzüge einer modernen Religion*, Freiburg i. Br., 2012. Ср. также: Н. Ahdel-Sarnad, *Der islamische Faschismus. Eine Analyse*, München, 2014. В 1944 г. в Боснии была мусульманская дивизия СС. Ее предводителем был великий муфтий Иерусалима, поклонник Гитлера. Но явного вреда она принесла не много. Однако у нее были черные флаги СС, эсэсовский символ — череп и готовность умереть под девизом: «Смерть причинять, смерть принимать». Исторические корни того, что Френсис Фукуяма назвал «исламо-фашизмом», и террористической организации ИГИЛ достаточно однозначны.

Парламентская демократия боролась против абсолютизации государственной власти и ее обожествления посредством буржуазной революции во Франции, а в США посредством войны за независимость. Эти западные демократии успешно защищали себя во Второй мировой войне против фашистского и тенноистского* террора сверху и в «холодной войне» против сталинского террора. Эти три государственных бога свергнуты. Вот почему полезно еще раз представить себе основные принципы демократии.

1. Основной принцип демократии — это суверенитет народа; это основа современного правового государства. Старое западное понятие, к которому восходит термин *конституция*, означало «завет-союз» свободных граждан. Он был установлен по ветхозаветному образцу союза Бога со своим народом¹⁷. Бог заключает завет-союз с народом: «...и буду вашим Богом, а вы будете Моим народом» (Лев 26:12). В ответ на это народ заключает союз с царем и передает ему свой суверенитет. Если властитель нарушает союз Бога с народом, то именем Бога заповедано сопротивление. Союз Бога с народом — божественный, значит — абсолютный, союз власти с народом — человеческий, значит — относительный. Человеческая власть должна функционировать по законам Божьего завета-союза. Легко увидеть следы этого федерального богословия в современном конституционном государстве. В конституции Федеративной Республики Германии основные конституционные права стоят выше положительного парламентского законодательства. Их не может устранить никакое правительство и никакой парламент. Ибо основные права (статьи 1-4) «абсолютны» и относятся к категории «перед Богом», как сказано в преамбуле. Согласно немецкой конституции (статья 79, 3), «недопустимо» изменять статью 1 о человеческом достоинстве и статью 20 о демократическом правовом государстве. Тем самым основные конституционные права получают своего рода «гарантию вечности».

2. Форма современного демократического конституционного государства есть разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную власти — отсюда связывание исполнительной власти правительства с конституцией; далее — временное ограничение власти правительства через выборы. Всякое правительство несет ответственность перед народом. Этими двумя принципами исключается обожествление государственной власти

* Тенноизм — обожествление императора.

¹⁷ J. Bohatec, *England und die Geschichte der Menschen- und Bürgerrechte*, Graz, 1956; G. Oestreich, "Die Idee des religiösen Bundes und die Lehre vom Staatsvertrag", in: W. Berges (Hg.), *Zur Geschichte und Problematik der Demokratie. FS für H. Herzfeld*, Berlin, 1958, S. 11-32; J. Moltmann, "Convenant oder Leviathan? Politische Theologie am Beginn der Neuzeit", in: ders., *Gott im Projekt der modernen Welt. Beiträge zur öffentlichen Relevanz der Theologie*, Gütersloh 1997, S. 31-49.

через абсолютное, т.е. «неподотчетное» решение. Современная демократия не потерпит никакого «государства-бога» на земле. Ее сущность – политическое иконоборчество. «Корона венчает не голову человека, корона венчает Конституцию», – сказал Джон Мильтон.

IV. УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ НА ВЛАСТЬ

Государства распадаются, потому что не могут сохранить своей монополии на насилие. Государственной монополии на насилие угрожает приватизация насилия. Приватизация насилия приводится в движение, с одной стороны, международным терроризмом, а с другой – коммерциализацией «безопасности». Правосудие и полиция следят за монополией государства на насилие. Если в Мексике госбезопасность, полиция и военные не способны справиться с бандой наркоторговцев, то государство распадается, размываются его границы. Если в Сомали и в Ливии государственная власть теряет дееспособность, то распространяются народные ополчения, которые вступают в войну друг с другом. Распадающиеся государства становятся рассадниками частного и международного террора. В них разворачивается «рынок насилия», где продаются всевозможное оружие и наемники любого цвета кожи. В распадающихся государствах нет никакой инстанции, которая могла бы пресечь несправедливость и обеспечить соблюдение права. Некоторые не без цинизма полагают, что диктатуры толерантны, так как они, по крайней мере, сохраняют государственную монополию на насилие. Но «ключ ко всякому долговременному решению следует искать в восстановлении законности, в восстановлении – будь то локальном, национальном или глобальном – общественного контроля над организованным насилием»¹⁸.

В то же время государственная монополия на насилие уничтожается, с другой стороны, приватизацией безопасности. Безопасность делается «товаром», который предлагают частные охранные фирмы. Кто может себе это позволить, удаляется в «gated communities» [охраняемые территории] под защиту персонала частной охраны. Ему больше не нужна государственная полиция. В богатых западных странах численность персонала частных охранных служб намного превосходит численность персонала государственной полиции. Однако «государство, которое ждет от своих граждан, что они станут покупать свою безопасность

¹⁸ M. Kaldor, *Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung*, Frankfurt a. M., 2000, S. 21.

на рынке, ... не заслуживает своего имени»¹⁹. Оно утрачивает доверие своих граждан и начинает распадаться как государство. Неолиберализм, желающий этого, есть не что иное, как «политическая анархия». Необходимую монополию государства на насилие можно сохранять, только если все граждане хотят этого, платят за это налоги и не удаляются от общества.

Демократическое конституционное государство утвердилось в противостоянии террору сверху и жестоким диктаторским режимам XX века; оно одолет и международный и религиозный террор снизу.

V. КАК «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» ДОЛЖНО ОБРАЩАТЬСЯ С ВРАГАМИ?

Прежде чем развернуть этику политической «любви к врагам», бросим взгляд на Европу:

а) От агрессивности к притяжению. С самого начала Нового времени империализм и колониализм европейских наций распространились на Америку, Африку, Океанию и Азию. Европейские нации боролись друг с другом за мировое владычество: за испанской империей последовала британская империя и франкоязычный мир, наконец и Германия пожелала иметь колонии в Африке и Азии, а Италия – в Ливии, Эритрее и Сомали. Для африканцев и азиатов европейцы были торжествующими победителями и агрессивными хищниками. В конце концов крупнейшие европейские державы поделили между собой и древнюю китайскую «Поднебесную». Затем началась Первая мировая война, и европейские нации принялись уничтожать друг друга. Они потеряли свои колонии в Африке и Азии во Второй мировой войне. Сегодня европейские нации оставили свои имперские заблуждения, колонизированные народы в Африке и Азии освободились. Что случилось в Европе?

Усилиями *Шарля де Голля* и *Конрада Аденауэра* старая вражда между Германией и Францией была похоронена; благодаря *Вилли Брандту* и его восточной политике была преодолена агрессивная враждебность Германии в Восточной Европе. После распада имперского Советского Союза в 1990 г. в европейском сообществе возникла *новая Европа*. Европа перестала быть ужасом для народов и превратилась в *континент надежды* для миллионов людей. Европейские нации стали привлекательными для жителей Африки, Ближнего Востока, Балкан и Украины, которые стали искать в ней работу, безопасность и свободу. Европа сделалась их мечтой о хорошей жизни. Этот переход европейских наций от *империа-*

¹⁹ E. Eppler, *Vom Gewaltmonopol zum Gewaltmarkt?*, Frankfurt a. M., 2002, S. 120.

листической агрессивности к демократической привлекательности превратил Европу в «открытое общество». Европейцы слабо это осознавали, они боялись возрастающего потока беженцев, но для людей за пределами Европы все выглядело именно так. Азиатские страны, такие как Китай, Япония, Корея или Индонезия, не привлекают людей, ищущих работу, безопасность и свободу. Современные мусульманские страны привлекают их еще меньше. Это доказывает географическая карта потока беженцев, составленная в агентстве ООН. Эти страны – менее «открытые общества», чем нации Европы.

б) Политическая «любовь к врагам». После распятия Христа римскими оккупационными властями в Иерусалиме у христиан возникло глубокое отвращение к насилию. «Поднявший меч от меча и погибнет» (Мф 26:52). Они возвещали Царство Христа как обещанное пророком Исайей царство свободы. «Перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы (...) и не будут более учиться воевать», как обещал пророк Исайя (Ис 2:4).

Только когда кесарь Константин объявил христианство государственной религией, и его последователи объявили Римскую империю Священным Царством Христа, поведение христиан в мире изменилось: «In hoc signo vincens» [Сим победиши] было написано на кресте, приснившемся кесарю. Этот крест не имеет ничего общего с крестом Христа на Голгофе. Константиново христианство превратило «мечи» в *христианские* мечи, а «копыя» – в *христианские* копыя, а в своей политической этике помышляло о «справедливой войне». Только *монашество*, созданное Антонием и Пахомием в Египте, воспротивилось этому.

Не-константиновское христианство в Сирии, Персии и Месопотамии не участвовало в этом развитии событий, оно было за стенами (*extra muros*) христианской империи. Сегодня в Африке и Азии возникло новое, не-константиновское христианство. Для него на повестке дня стоит не «справедливая война», а «справедливый мир». Поэтому «мечи» должны быть перекованы в «орала», т.е. военная индустрия должна стать мирной индустрией, а армии должны стать миротворческими силами. Но это требует нового подхода к врагам²⁰.

Любовь к врагам, которой учил Иисус в своей Нагорной Проповеди, – это не любовь к враждебности, как в извращенном мышлении о врагах и друзьях, а путь к преодолению враждебности. Когда враждебность встречается в частном или политическом порядке, возникает спонтанное желание мести: «Как ты со мной поступаешь, так и я с тобой поступлю». Тогда ты превращаешься во *врага своего*

²⁰ D. W Shriver jr., *An Ethics for Enemies. Forgiveness in Politics*, Oxford University Press, 1995.

врага и вовлекаешься во вражду. В этике, основанной на принципе взаимности, это — единственная возможная реакция на враждебность. Существуют три способа обходиться с враждебностью:

1. подчинение,
2. мышление, делящее на врагов и друзей,
3. преодоление враждебности.

Первый способ ведет к саморазрушению, второй — к разрушению врага и к саморазрушению, третий ведет к взаимной любви²¹.

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он посылает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф 5:44-45).

Чувство и действие ориентируются не на врага. Мы не даем вражде навязать себя нам. Дети Божьи ориентируются на Бога, а Он любит жизнь — и мою, и врага, подобно тому как солнце и дождь даруют жизнь всем. Если мы на враждебность не реагируем враждебностью, то открываем врагам возможность отрешиться от враждебности и вовлечься в общую жизнь.

В новой христианской этике это обсуждалось как «разумная любовь к врагу». Как возможно преодолеть враждебность и начать уважать врага как человека? *Первый шаг* — не дать вражде навязать себя нам: мы не становимся врагами наших врагов. *Второй шаг* — ведет к познанию другого: «Возлюби ближнего своего как самого себя», или (как перевел Мартин Бубер) «ибо он — как ты» — и ты — как он (добавлю от себя). Узнать себя в другом — значит также узнать другого в себе. *Третий шаг* должен привести к осознанию причин враждебности. Поскольку агрессия часто возникает на основе личных или коллективных обид, полезно вникать в историю страданий враждебных людей или народов и искать средство устранения обидных воспоминаний. Любовь к врагам — это не «этика образа мыслей», как предлагал думать Макс Вебер, а *этика ответственности*: мы принимаем ответственность не только за свою жизнь и жизнь тех, кто вверен нам, но и за жизнь врагов и тех, кто вверен им, как и солнце и дождь дают жизнь всей земле. Любовь к врагам в данном отношении — это не только реакция на враждебность, но и творческое, изобретательное участие в общей жизни.

Не будь побежден злом, но побеждай зло добром (Рим 12:21).

Перевел с немецкого Андрей Лукьянов

²¹ J. Moltmann, *Ethik der Hoffnung*, Gütersloh, 2010, S. 224-230.